

ГЕОРГИЙ ПРОХОРОВ
Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Россия

БЮРОКРАТИИ ГЛАЗАМИ ДРУТ ДРУГА. ТРАВЕЛОГИ XVII ВЕКА О РОССИИ¹

Bureaucracies Facing Each Other: Seventeenth Century Travelogues about Russia

The article is focused on *Sir Thomas Smythe's Voyage and Enterteinment in Rushia* (London, 1605, 4to) - an example of a 'diplomatic travelogue' which mainly covers the official part of the mission. Using the principles of discourse analysis, the author focuses on ideological and cultural prejudices which, though hidden, shape the ambassador's perception of Muscovite court, bureaucracy, the country as such as well as the ultimate goals and limits of the diplomacy. According the travelogue, while equipped with practical knowledge English bureaucracy searches for new partners to bolster its economy, the art of husbandry, while the Muscovite one is still on the medieval level and remains 'theatrical', i.e. to impress the foreigners with the might and glory of the Russian tzar.

Keywords: travelogue, diplomatic literature, court, bureaucracy, Russia and the West, cultural 'other', cultural transfer

До распространения в Европе культуры частных путешествий – сперва в виде гранд-тура, как в XVIII столетии, а затем и «массового» туризма в высших сословиях (XIX век) и за их пределами (XX век) – основными путешественниками были дипломаты. Последнее особенно справедливо для таких экзотичных стран, каковой была для Европы Московия. Поскольку же посольство было официальной миссией и посол и его свита встречались прежде всего с представителями российских властей, то значительная часть страноведческой информации, сообщаемой «дипломатическими травелогами», или прямо отражает

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Езда в Россию: Неизвестные и малоизвестные европейские травелогии XVII века: поэтика, текстология, библиография», поддержанного грантом РФФИ № 16-34-00017-ОГН.

опыт контакта между двумя дворами, или почерпнута из уст официальных лиц.

Дипломат, путешествующий в рамках посольства, с одной стороны, оставляет страноведческий текст об обычаях, вере, истории, системе управления, военной и экономической мощи, об основных промыслах. Это – функциональная часть текста, демонстрирующая успешность миссии. Сюда же примыкают описания дипломатических ритуалов и протоколов в принимающей стране. Органичные в качестве документа «для служебного пользования», эти части вряд ли способны принести издательский успех в тех случаях, когда травелог дипломата издадут массовым изданием. Соответственно, печатаемый текст зачастую одобрен известной долей «баек». Отношение к подобным «байкам» внутри дипломатической путевой прозы варьируется от страны к стране и от эпохи к эпохе. По-видимому, континентальная Европа XVII века относится к вставным элементам куда более толерантно, нежели Англия –

...так как мы зашли уже далеко в Северное море, я мог бы угостить вас по-царски и притом чуть не даром, а затем отлично позабавить вас описанием игр и турниров на воде, в котором я изобразил бы Левиафана, с его выложенными раковинами щитом, [...] [н]о все это предметы для чуждого мне языка, на котором люди не краснеют фантазировать, как истые поэты...².

Центр дипломатического травелога – факты.³ (Времена неосознанного вымысла для Западной Европы раннего Нового времени уже завершались.⁴) Но интереснее в данном случае иное: перед нами тексты, отражающие встречу бюрократий: бюрократии пославшей страны (и посол со своей свитой – ее органичная часть) и бюрократии принимающей страны. Дипломатическая путевая проза представляется весомым источником, демонстрирующим не только (а может быть и не столько) самую страну, сколько лиц, репрезентирующих власть и государство.

Томас Смит, посол Англии в Московии в 1604-05 гг., встречает представителей русского государства еще в море, на рейде нынешнего Архангельска:

² И.М. Болдаков, Т. Смит, *Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России*, Санкт-Петербург 1893, с. 12-13.

³ И.Г. Савельева, *Английская литература путешествий: к вопросу о формировании национальной специфики жанра*, «Молодой ученый» 2016, № 21, ч. 10, с. 1017-1020; С.В. Савельев, «Три путешествия Яна Стрейса: Опыт исследования фактологии и поэтики одного травелога XVII века и его переводов», «Общественные науки» 2018, № 1, с. 35-37.

⁴ М.И. Стеблин-Каменский, *Миф*, Ленинград 1976, с. 82-89.

...не дойдя до Архангельска на одну милю, мы бросили якорь, а в 11 часов ночи на посольский корабль прибыл пушкарский голова, по имени Максим Юрин (Vrin), человек довольно благовоспитанный, но не особенно представительный на вид. Встреченный двумя из наших джентельменов и еще несколькими людьми, он был проведен в каюту милорда, где, провозгласив полный титул царя и царевича (как это у русских в обычае), он объявил послу, что его государь и повелитель и молодой царевич прислали его осведомиться о здоровье его величества английского короля и принцев и, выслушав ответ посла, спросил о его собственном здоровье, а также и джентельменов, находящихся в его свите⁵.

Поминую негативный опыт предшественника, Джильса Флетчера, оскорбившего московского царя своим нежеланием зачитывать полный титул последнего, Томас Смит отмечает как свою приверженность русскому этикету, так и неизменность русской традиции – бывшей и остающейся странной для англичан (“как это у русских в обычае”). Посольства Джерома Бауса (1583-84), Джильса Флетчера (1588-89), Томаса Уиллиса (1600-01) закончились или неудачно, – без расширения, а то и с сокращением торговых преференций – или просто со скандалом, как депортация Томаса Уиллиса. Это были миссии от двора королевы Елизаветы, уважаемой в Московии. Томас Смит вез в Москву первое посольство от имени преемника умершей королевы – Якова I. Отсюда – акцент, отмечающий радушие первой встречи; акцентирование допущенных москвитями отхождений от протокола:

...великий государь, узнав о предстоящем прибытии посла и желая выразить свое особое расположение к его величеству королю Англии, равно как и желание постоянно жить с ним в мире и дружбе... прислал его, Максима, назначением состоять в приставах при его особе...⁶.

Упростившиеся порядки вызывают удивление – впрочем, воспринимаются они не как смягчение нравов, не как трансформация русского двора и государства, а как непосредственный знак высшей заинтересованности в деятельности посольства и политико-экономических связях с Англией:

Столь необычайное начало внушало серьезную надежду на благоприятный исход нашей миссии, так как подобная милость ни разу не оказывалась прежним послам, которые, по своему прибытии в Архангельск, должны были оставаться там в досадном выжидательном

⁵ И.М. Болдаков, Т. Смит, *op. cit.*, с. 14.

⁶ *Ibidem*, с. 15.

положении все время, пока отправленный Архангельским воеводой гонец в Москву, отстоящую на 1000 миль, не вернется с царским дозволением продолжать путь и с охранною грамотой⁷.

Впрочем, акцентируя личную милость царя к англичанам, нарратор осторожно допускает и другие объяснения. Государство меняется. Оно кажется более европеизированным:

Не доходя верст тридцати до Устюга, милорд был встречен на реке другим приставом, Константином Петровичем Артышовым [...]. Степенный, прямой и спокойный джентельмен, каков был он, – сущая находка для иностранного посла в этой стране...⁸.

Улучшаются манеры, так что на периферии Московии обнаруживаются русские джентельмены, благовоспитанные и даже владеющие иностранными языками. Русская бюрократия – а для Томаса Смита она неотделима от Государства Российского – повернулась к англичанам лицом. Посланник этому несказанно рад, но... радость не мешает ему наблюдать и подмечать.

Постоянный критический момент, отмечаемый в тексте травелога, – это указание на косноязычие русской бюрократии:

10-го октября пристава явились с уведомлением от посольского дьяка, что он полагает (ибо эти люди никогда ни о чем не говорят на верное), что милорду предстоит на следующее утро представиться великому государю⁹.

Многословие объясняется неумением облечь мысль в слова. Трудности же с выражением мысли снижают договороспособность. Русская бюрократия любит теряться в мелочах, не стоящих обсуждения; застревать в них: «Конечно, это у русских только бесцельный обычай (столь же неразумный, сколько и стародавний) вдаваться в пустословие, когда они не имеют возможности настоять на своем...»¹⁰. С другой стороны, некое гротескно выглядящее и не согласующееся со статусом официальных лиц ребячество – «кому известно, с какою странною церемониальностью наблюдается у русских за тем, чтобы первым не сойти с лошади»¹¹ – в какой-то мере делает человечнее сложившийся в более ранних текстах образ русской бюрократии.

⁷ *Ibidem*, с. 16.

⁸ *Ibidem*, с. 21.

⁹ *Ibidem*, с. 31.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ *Ibidem*, с. 27.

Антонио Поссевино: любой ценой пробиться к царю сквозь бюрократию, обрести его внимание и понимание –

Часто многое из сказанного нами они переводили ему без всякого смысла и не по существу. Они опускали значительную часть, преимущественно из того, что, по их мнению, будет неприятно государю и для них самих будет представлять какую-нибудь опасность. Это относилось в первую очередь к религиозным делам. Мне кажется весьма вероятным, что то же самое они делали и с грамотами других государей, хотя их писали по-русски из Литвы в тех случаях, когда их наречие не сходилось с русским. Но с Божьей помощью также и это неудобство было преодолено тем, что в дело вступили наши переводчики, которых раньше они не хотели допускать. Они заново перевели все наши письменные документы¹².

Томас Смит: непонятно? – не обращаем внимания и идем дальше. Когда представители русского двора скатываются в пустословие, то и переводчик не нужен – «Затем были внесены подарки, и мы, подчиняясь требованиям церемониала, должны были выслушать, хотя и не понимая ... полный титул царя»¹³. Проявлять смелость, быть настойчивым и не потакать капризам – рекомендация, повторяющаяся на страницах травелога раз за разом:

...это было простое выпрашивание, удовлетворить которое было бы большим легкомыслием со стороны посла; [...] это и было собственно своего рода военной хитростью, чтобы выведать, доложить ли им государю о после, как о человеке робком, или же исполненном сознания собственного достоинства¹⁴.

А что же английская бюрократия? Разве она менее заметна, чем русская? Там, в далекой Англии, ведь тоже церемониалы и подчас весьма детализированные:

Когда всё было готово для отъезда, сэр Томас, в сопровождении кавалеров сэра Томаса Челленора (Th. Challenor) и сэра Уильяма Рэ (Will. Wray), еще нескольких благородных особ и своей собственной свиты, отправился 10-го июня 1604 года ко двору, пребывавшему в то время в Гринвиче, где и был представлен его величеству высокопочтенным графом Сольсбери (the Earle of Salisbury)¹⁵.

¹² А. Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.*, Москва 1983, с. 29.

¹³ И.М. Болдаков, Т. Смит, *op. cit.*, с. 32-33.

¹⁴ *Ibidem*, с. 31.

¹⁵ *Ibidem*, с. 6.

Английское государство также способно быть устрашающим и за несколько лет до назначения послом чуть было не уничтожило Томаса Смита:

Замечу только, что положение нашего посла на корабле сильно напоминало его временное заключение в Лондонском Тауэре: теперь ему точно также приходилось внезапно переходить от тревоги к успокоению, одновременно испытывая страх и надежду¹⁶.

Действия английской бюрократии способны проявлять своеволие, непредсказуемость, одним словом – устрашать, «[как] порой бог Нептун, подобно суровому властелину, бывало захочет дать почувствовать свою силу и гнев находящимся в его власти... (как пред политическими конзями трепещут узники в темнице)»¹⁷.

Чем же она лучше – только ли потому что «своя»? Если обе бюрократии склонны использовать властные функции для политического запугивания? Прагматизмом. Английская бюрократия, как изображает ее повествователь, впитала в себя reason, она координирует, или по крайней мере пытается координировать, свои действия со всеобщим благом

Торговые сношения служат как бы золотую цепью, соединяющие во взаимной дружбе одни государства с другими: они настоящий цемент, неразрывно связующий руки, сердца и самую душу народов, не сходных между собою по виду, различных по нравам, языку и религии. Тот же голос, гармоничные звуки которого всего сладостнее для слуха государей, предпочитающих пальмовое и оливковое деревья, как символы мира, узловатому дубу, эмблеме войны, внушил нашему августейшему монарху, его величеству королю Англии Иакову оставить по-прежнему открытыми все порты и гавани, которые в царствование возлюбленной, ныне усопшей, сестры его поддерживали торговые сношения нашего государства с российским¹⁸.

Английская бюрократия добровольно ограничила свою власть. Она куртуазна, способна вести разговор:

...король в милостивых выражениях осведомился у сэра Томаса о продолжительности предстоящего ему пути, о сроке его возвращения, о характере климата, предложив и еще несколько вопросов относительно России, на что сэр Томас и дал надлежащие ответы¹⁹.

¹⁶ *Ibidem*, с. 10.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ *Ibidem*, с. 5.

¹⁹ *Ibidem* с. 6.

Английская бюрократия ценит остроту мысли, точность выражения – причем по отношению к слову уравниваются и правитель, и подданный:

Когда же король, выражая свое удивление по поводу продолжительности предполагаемого посольства в России [...], шутливо заметил ‘выходит, что сэр Томас отправляется чуть не с самого солнца’, присутствовавший при аудиенции граф Нордгемптон (the Earle of Northampton) отвечал: ‘Ему так и должно казаться при расставании с вашим всепресветлейшим величеством’²⁰.

Иначе говоря, нарратор демонстрирует английскую бюрократию, но показывает ее как среду, существующую, чтобы решать актуальные проблемы, достаточно компетентную и благовоспитанную, чтобы это делать. Хотя порой случаются эксцессы.

Что касается русской бюрократии, то это также весьма широкая прослойка. Но с точки зрения нарратора, эта прослойка существует для других целей, нежели английская. Русская бюрократия существует, чтобы ярко высвечивать мощь и богатство царя. Отсюда – регулярное указание, что в России нет как такового привилегированного сословия:

...мы созерцали, как великому государю прислуживали за столом двести человек бояр, все в одежде из золотой парчи. Царевичу прислуживало сто молодых князей, в числе которых были и казанские, и сибирские, и татарские, и астраханские, и черкесские, и русские, – все они были не старше двадцати лет²¹.

По отношению к царю между князем и последним подданным нет существенной разницы: князь точно такой же слуга, у него точно также отсутствуют личные права. Русская бюрократия потому предстает декоративным элементом московитского политического театра. (И как тут не вспомнить указание Орландо Файджеса о восприятии европейцами уже XVIII-XIX вв. Санкт-Петербурга не как города, а как причудливой декорации²²). Одна сторона театрального представления под названием прием посольства выражена при помощи вещей:

В продолжение аудиенции мы могли созерцать во всем его величии могущественного царя. Он восседал на золотом троне, обитом дорогою тафтой; в правой руке он держал золотой скипетр, а на голове имел корону из чистого золота; на шее у него надето было ожерелье из драгоценных

²⁰ *Ibidem*.

²¹ *Ibidem*, с. 36.

²² О. Figes, *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*, Metropolitan Books 2002, р. XXVII-XXX.

камней и жемчуга; его верхняя одежда была сделана из малинового бархата, красиво вышита золотом и изукрашена драгоценными камнями²³.

Другая – столь же демонстративная и призванная произвести эмоциональный эффект – при помощи людей, холопов:

У ворот дворца находилось несколько парадно одетых особ в ожидании посла, который ехал верхом, имея по сторонам своих приставов, тогда как несколько других следовали за ним вместе с известным числом дворян. Таким образом мы проехали около версты, созерцаемые тысячью глаз: по обеим сторонам пути были расставлены стрельцы, под ружьем и в парадной форме, в числе до двух тысяч, между тем как несколько гонцов было распределено на расстоянии, отделявшем, по мере их приближения, наших приставов от царского дворца²⁴.

Московский правящий класс – как изображает его один из дипломатических травелогов – порожден не нуждами управления, а задачами театрального характера. Отсюда проистекают титулы, равно как и принцип их иерархического деления – «В Архангельске посол провел около двух недель. За это время от него был потребован подробный именной список всех сопровождающих его лиц и прежде всего носящих звание королевских придворных (звание высокопочитаемое не только московским государем, но и турецким султаном, и персидским шахом, и марокканским беем, которые тем самым как бы льстят собственному величию)...»²⁵. Но у кого же титулов больше, нежели у царя? –

Тогда один из этих бояр [...] прямо с бумаги прочитал [...], что он, с двумя другими боярами, прислан великим государем (следует полный титул) осведомиться о здоровье его величества короля [...]. После того второй боярин, пушкарский голова [...], повторив весь титул царя и царевича, сказал, что он прислан узнать о здоровье милорда и королевских придворных [...]. Третий, по своему званию дьяк, [...] соблюдая ту же формальность, заявил, что великий государь, царевич и великая государыня приказали ему уведомить его, посла, [...] что для почетного и удобного пребывания их приготовлено обширное и прекрасное помещение...²⁶.

Мелочность и мышьяная возня... но не только. Движущаяся бесконечными повторами, речь москвитов здесь выступает не как носитель мысли и информации, а как нечто околдовывающее, оживляя

²³ *Ibidem*, с. 34.

²⁴ *Ibidem*, с. 32.

²⁵ *Ibidem*, с. 16-17.

²⁶ *Ibidem*, с. 28.

времена софиста Горгия²⁷, в которые еще не забылось родство *grammar* и *grimoire*²⁸. Англия сформировала систему управления, которая защищает прагматические интересы. Московия – страна средневековая, а ее правящий класс – это по-прежнему двор, в узком или более широком виде. Когда в случае демонстрационной надобности границы между бюрократией, двором и подданными временно стираются и каждый житель Московии становится звеном государственного (или царского) тела.

Две бюрократии встретились. И очевидно, выглядели причудливыми друг для друга...

ЛИТЕРАТУРА:

- Figes O., *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*, New York 2002.
Herrick J.A., *The History and Theory of Rhetoric*, Boston 2001.
Болдаков И.М., Смит Т., *Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России*, Санкт-Петербург 1893.
Поссевино А., *Исторические сочинения о России XVI в.*, Москва 1983.
Romilly J. de, *Magic and Rhetoric in Ancient Greece*, Harvard 1975.
Савельев С.В., «Три путешествия» Яна Стрейса: Опыт исследования фактологии и поэтики одного травелога XVII века и его переводов, „Общественные науки” 2018, № 1.
Савельева И.Г., Английская литература путешествий: к вопросу о формировании национальной специфики жанра, „Молодой ученый” 2016, № 21, ч. 10.
Стеблин-Каменский М.И., *Миф*, Ленинград 1976.

²⁷ J.A. Herrick, *The History and Theory of Rhetoric*, Boston 2001, p. 40-41.

²⁸ J. de Romilly, *Magic and Rhetoric in Ancient Greece*, Harvard 1975, p. 9-16.